

**ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПЕРМЯЦКИМ ЯЗЫКОМ
«ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО УЧЕБНИКА РУССКОГО ЯЗЫКА
ДЛЯ ЧЕРДЫНСКИХ ПЕРМЯКОВ» 1906 ГОДА***

Р.В. Гайдамашко,
младший научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН,
gaidamashko@gmail.com

Актуальность изучения рукописных документов и старых печатных изданий, представляющих собой ценные источники по истории языка, не вызывает никаких сомнений. Между тем до сих пор на территории РФ мы имеем немало языков, историческое развитие и состояние которых не получило должного описания, несмотря на имеющиеся рукописные и печатные книги. К одному из таких языков относится коми-пермяцкий, или пермяцкий.

История письменности (коми-)пермяцкого языка насчитывает всего лишь немногим более двух с половиной столетий. Имеется несколько исчерпывающих исторических обзоров по фиксации пермяцкого языкового материала (КПЯ: 146–151; Баталова 1975: 7–10; Öньö Лав 2009: 262–267;

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МД-7005.2015.6.

Федосеева 2015: 3–9; Пономарева 2016: 15–24), повторять которые нет необходимости. К настоящему моменту специальных публикаций удостоились только рукописные словарь Ф.А. Волегова 1833 г. и грамматический очерк Ф. Любимова 1838 г. При этом известно о гораздо более богатых пермяцким материалом рукописях второй половины XVIII – начала XIX вв., которые находятся в разных библиотеках и архивах и до сих пор остаются неизданными и малоизученными. Не меньшую ценность для исследования истории пермяцкого языка представляют и ранние печатные издания до 1920-х гг. Сперва это были достаточно объемные для своего времени грамматика (1860 г.) и словарь (1869 г.) Н. А. Рогова, а также перевод Евангелия от Матфея (1866), в последующие годы преимущественно учебная литература – буквари и «книжки для чтения» (Попов 1894, 1904; Букварь 1897, 1899, 1900, 1908; Учебник 1906; Щапов 1909), публикация большинства из которых инициирована деятельностью Православного миссионерского общества «Братство святителя Гурия» и основанной при нем Переводческой комиссии (Журавский 2006: 490-492).

Ниже представлены фрагменты лингвистического анализа пермяцкого языка в «Первоначальном учебнике русского языка для чердынских пермяков» К.М. Мошегова (Учебник 1906). Данный труд (далее – Учебник), несмотря на упоминания в научной литературе (КПЯ: 34; Галкина 2013: 126; Федосеева 2015: 4; Пономарева 2016: 16 и др.) ранее, насколько нам известно, не становился предметом специального лингвистического исследования. Лишь Л. Г. Пономаревой были установлены такие особенности пермяцкого языка Учебника, которые характерны для всех севернопермяцких диалектов (Пономарева 2016: 16). Основное внимание в настоящей статье будет уделено обсуждению некоторых графических и лексико-семантических особенностей пермяцкого языка, представленного в Учебнике. Перед анализом языкового материала приведем краткую биографическую справку о К. М. Мошегове, что позволит предварительно выдвинуть версию о диалектной принадлежности пермяцкого языка в Учебнике.

Кондратий Михайлович Мошегов родился в 1881 г. в дер. Дурова Кочевской волости Чердынского уезда Пермской губернии. В 1901 г. окончил Казанскую учительскую семинарию, после чего работал в деревне Чазево Косинского района, где, как утверждает (Светлаков 1967: 92), он и написал свой «Букварь для пермяцких детей (на чердынском наречии)» (Букварь 1908). Работал также в Юксеевском начальном училище (1910-1913), после революции – учителем в школах Кочевского района и заведующим Косинского района (Светлаков 1967: 93). 15 августа 1937 г. арестован и меньше чем через месяц приговорен к 10 годам лишения свободы по обви-

нению в контрреволюционной деятельности¹; реабилитирован в 1962 г. (Светлаков 1967: 93).

Уроженец Кочевской волости, К.М. Мошегов был, очевидно, носителем кочевского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка, но по долгу службы мог быть хорошо знаком с особенностями говоров косинско-камского диалекта того же наречия. Вынесенное в заголовок Учебника понятие «чердынские пермяки» подразумевает здесь не географическое, а лингвистическое деление, т.е. означает не совокупность пермяков на территории Чердынского уезда Пермской губернии, а носителей северного наречия коми-пермяцкого языка. Это подтверждается как другими исследованиями (Öньö Лав 2006: 127; Пономарева 2016: 15), так и заглавием одного из букварей, см.: «Букварь для пермяцких детей (на чердынском наречии)» (Букварь 1908). Впрочем, территория распространения северного наречия в начале XX в. полностью входила в состав Чердынского уезда, среди прочих волостей которой были Гаинская, Косинская, Кочевская, Чураковская, Юксеевская. Таким образом, на предварительном этапе исследования можно предполагать, что пермяцкая часть Учебника отражает черты северного наречия².

К моменту публикации Учебника графика пермяцкого языка еще не была устоявшейся. Практически все пермяцкие печатные издания, вышедшие к началу XX в., пользовались различными графическими системами. Например, тексты так называемого роговского этапа в развитии национальной письменности (1860-1880-е гг.) изданы, по словам Öньö Лава, на «фонематической “полукириллице”», латинице и нефонематической «“почти” кириллице» (Öньö Лав 2009: 266). Разнообразной была и графика изданий последующего («казанского») этапа (1890-1910-е гг.). Набор графем, дополняющих русский алфавит, менялся с каждым изданием, ср.: принципиальный отказ от дополнительных графем (Попов 1894); *ж̣, з̣, ö, и̣, ы̣* (Букварь 1897); *ж̣, з̣, ч̣, ö, ø*, также диграфы *ьи, йи, ьы* (Букварь 1899); *ж̣, з̣, ö, ч̣, ы̣* (Букварь 1900); *д̣ж̣, д̣з̣, ч̣и̣, э̣* (Попов 1904). Как видим, графическая система менялась даже у одних и тех же авторов при втором издании, ср. (Попов 1894 vs. Попов 1904) и (Букварь 1897 vs. Букварь 1900). На этом фоне графика последующих пермяцких изданий, связанных с именами

¹ Показательно, что в характерном для своего времени очерке истории образования в Коми-Пермяцком округе среди прочих «дореволюционных» учителей-пермяков имя К. М. Мошегова не упоминается (Кривошекова 1956: 29). Также в указанном очерке «Первоначальный учебник русского языка для пермяков» (sic! — без уточнения наречия/диалекта) небрежно назван Азбукой Е. Попова (Кривошекова 1956: 31).

² К такому же выводу приходит М. Е. Галкина, см.: «используется северный говор коми-пермяцкого языка: *лол* (лов), *кыл* (кыв), *öмвелдöр*» (Галкина 2013: 126).

К. М. Мошегова и П. В. Щапова (Учебник 1906; Букварь 1908; Щапов 1909), отличается единообразием.

Инвентарь графем обсуждается не в самом Учебнике 1906 г., который фактически был издан только в 1907 г., а в «Букваре для пермяцких детей (на чердынском наречии)», в свою очередь вышедшем из печати почти на два года позже – во второй половине 1908 г. В подписанном К.М. Мошеговым предисловии к Букварю сначала даны 24 графемы в следующем порядке: *a, б, в, г, д, е (э), ж, з, i, j* (ниже по тексту следует примечание автора, что «буква *j* заменяется буквой *й*»), *к, л, м, н, о, ө, п, р, с, т, у, ч, ш, ы*. Далее вводятся еще восемь, из которых первые семь, по К. М. Мошегову, «состоят из предшествовавших двух звуков»: *e=jе, ё=jо, жс=дж, з̣с=дз, ч̣с=чш, я=ја, ю=ју, и* (Букварь 1908: 4). В конце Букваря дан полный список всех букв в порядке, соответствующем русскому алфавиту (*а, б, в, г, д, е, ё, ж, жс, з, з̣, и, i, й, к, л, м, н, о, ө, п, р, с, т, у, ч, ч̣, ш, ы, э, ю, я*), и отмечено, что в русских заимствованиях могут также встречаться буквы *ф, х, ц, щ, ъ* (Букварь 1908: 40). Примечательно, что в тексте Учебника подобные примеры фиксируются достаточно редко: *яхонт* (60)¹, *Иисусь Христось* (74), *цапля* (43), *жсеребец* (35), *щором*² (40).

В тексте Учебника имеются также графемы, употребление которых на страницах Букваря не обсуждается: *ÿ – нÿннÿ* (48); *ы̣ – ты̣ян* (12), *сы̣з̣* (13).

В целом мы видим различия наборов графем в Учебнике и в современном нормативном словаре, где коми-пермяцкий алфавит представлен 35 буквами (все 33 буквы русского алфавита плюс *i* и *ö*) (КПРС: 14).

Из диакритических знаков в Учебнике чаще всего встречаются акут [´] и гравис [˘]. В качестве диакритических также используются две разновидности апострофа: ['] и [˘]. Нами не замечено какой-либо разницы в употреблении первых двух знаков для обозначения ударения и последних

¹ Здесь и далее, если в ссылке нет указания на источник, значит материал почерпнут из Учебника (Учебник 1906). При цитировании по возможности сохранены все графико-орфографические особенности оригинала.

² Представляется, что в данном случае перед нами все же опечатка вместо слова **шором*. Коми перм. *шором*, сев. *шором* 'скирд, скирда' (КПРС: 566), усол. *шоромь* 'стог, скирд, кладь' (РВВ: 96), вс. *шором, шором* 'скирд, скирда' (КСК 2: 792), скорее всего, является обратным заимствованием из русских диалектов, см. слово *шором* 'конусообразный остов из кольев, на котором сушится горох или сено', распространенное в севернорусских говорах с непосредственным коми влиянием (Арх.; Вят. (Киров.); Перм.; Свердл.) и говорах Сибири (Южн.-Сиб.; Новосибир.; Алт.), но при этом также единично на юге европейской части России (Аннинск. Ворон.) (КСРНГ). В свою очередь русское диалектное слово изначально полагается заимствованным из коми *сёром* 'скирда' при *сёр* 'перекладина' или *сёрйыны* 'складывать', см. подробнее: (Аникин 2000: 706). Форм с инициальным *щ* в доступных коми и русских диалектных источниках не встречено. С другой стороны, возможно, что *щ* отражает в данном случае «шепелявый» характер изначального коми фрикативного *с'*.

двух – для обозначения палатальности. Реже остальных на страницах Учебника появляется знак долготы [ː].

Ударение дано далеко не для всех слов. Как будет показано, его обязательная и корректная постановка не входила в задачи авторов Учебника.

Акут в качестве ударения может занимать любую позицию (анлаут, инлаут, ауслаут; открытый, закрытый слог) в словах с разным количеством слогов (2, 3, 4, 5) и ставиться над любой буквой, обозначающей гласный, кроме *i* и *ö*: **a** – *áйка* (9), *кика́р* (5), *кисья́кны* (25), *изводáкны* (59), *карта́* (32); **e** – *éштöм* (25), *пéльбок* (4), *öмвёлдöр* (5), *ляд'вэй* (6); **ë** – *сéйны* (19), *нéльдас* (54), *нéльсу* (54), *нéштöм* (71); **и** – *íзны* (40), *кíтöм* (14), *кöсiча* (4), *коклизiм* (6), *тури́* (43); **o** – *óрдлы* (5), *гóля* (3), *ичмóнька* (10); *синлóп* (4); **y** – *ýссэз* (4), *кúжны* (15), *карау́литны* (39), *зипу́н* (16); **ы** – *ы́ксыны* (44), *кымöс* (4), *туры́ннэз* (21), *кырымпы́дöс* (5), *синлы́с* (4); **э** – *тэ́чны* (17), *лэ́зны* (49), *зэ́лыт* (69); **ю** – *ю́гыт* (50), *ню́лалны* (19), *корю́ка* (63), *отс-мозю́рбытöм* (75); **я** – *ня́тя* (26), *кизя́кны* (17), *поталя́ннэз* (30), *чышья́н* (16), *шлия́* (33).

Употребление грависа аналогично, но встречается он гораздо реже, чем и обусловлены пропуски среди последующих примеров (гравис над *e*, *ë*, *i* и *ю* не зафиксирован): **a** – *ма́тича* (26), *тöл'ись-немдáн* (50), *дöрà* (17), *сере-дà* (56); **и** – *крöши́тны* (19), *кöйн* (41), *тимì* (16); **o** – *вöлькы́т* (61), *юдöрт'ис'* (76), *зöздöг* (38), *седлò* (34); **y** – *кокгум* (6), *лыаму́* (15); **ы** – *юрпы́дöс* (3), *асы́ным* (12); **э** – *сэтöр* (48); **я** – *пин'я́й* (5), *дуты́тян* (47), *пиня́* (34).

Прямым доказательством неразличения акута и грависа могут служить одни и те же слова (часто в соседствующих строках) с разными знаками ударения. Подобные примеры находятся как в пермяцкой, так и в русской части учебника: *учи́тик воротá* vs. *воротà* (32), *лы́сом* (3) vs. *лы́сöм* (5) (последние два факта являются вариантами написания одного и того же слова, см. далее); рус. *оди́нь глазъ* vs. *оди́нь ротъ* (7), *дýтель* (43) vs. *дýтель посту́киваетъ* (44). Пример с пермяцкими *воротá* и *воротà* примечателен еще и тем, что доказывает независимость постановки того или другого знака ударения от закрытости/открытости ударного слога.

О небольшой важности постановки акцента для авторов Учебника могут говорить как частые случаи отсутствия какого-либо ударения над словом, так и случаи наличия ударений над односложными словами: *тöрк* (29), *ви́ль* (30). Отмечена постановка двух акутов над словами *у́мöля* (44) (ср. *умöль* (67), *у́мöль* (72)), *ту́лыс* (55). В довершение всего можно привести редкий случай постановки над двусложным словом двух разных знаков ударения: *сёркни́* (24).

Многочисленными примерами можно проиллюстрировать также неразличение двух знаков апострофа при обозначении палатальности.

При обозначении палатальности ['] используется почти в три раза реже, чем [ʹ], см. примеры с последовательным употреблением того или иного знака: [ʹ] – *ляд'вэй* (6), *с'олём* (6), *чул'* (6), *лопён'* (7), *пáс'кыт* (8), *пода-ноллёт'ис'* (10), *ан'кыч* (21), *л'ём* (23), *кул'ны* (25), *көзъткод'* (66) и др.; ['] – *вузáсис'* (11), *т'и* (12), *н'обны* (15), *лыдд'отны* (15), *веш'ян* (16), *пиз'отны* (20), *шогд'и* (21), *с'өктán* (30), *бед'* (33), *сиз'* (43), *л'ёмпу* (48), *мөд'и-гөд* (55), *з'и* (58), *вес'кот'ис'* (64), *умөл'вйём* (64), *вйзсис'* (65), *шуч-ол'ис'* (73, 74) и др.

Палатальность обозначается не только апострофами, но и собственно мягким знаком, который может занимать все те же позиции, что и знаки апострофа (перед гласным, между согласными, в абсолютном конце слова): *нэль* (7), *ичмóнь* (9), *пёрись морт* (9), *ми асьным* (12), *пасьтáльны* (17), *миськальны* (17), *пёрсь-яй* (18), *кольк* (18), *сизь-юр* (22), *бичуль* (23), *ставеньэз* (26) и т. д.

При этом разнобой в обозначении наблюдается в одних и тех же позициях и даже в одних и тех же словах или корнях: [ʹ] vs. ['] – *от'ик* (7), *от'ик кок* (7), но *от'ик* (53), *дасот'ик* (53), *кыкдас-от'ик* (54); *с'өд* (8), но *с'өд* (64); *өдд'өн ыжыт* (50), *өдд'өн бур* (73), но *өдд'өн дónа* (71); ['] vs. ь – *керись* (74), *быдкерись* (74), *чудокерись* (76), но *кёрис'* (74), *осчáнкерис'* (75); [ʹ] vs. ь – *пэльбок* (4), *пэльтём* (70), но *пел'пón* (5); *пин'* (5), *пин'яй* (5), но *куйм пинь* (8), *пиньтём* (13); *чунь* (6), *вит чунь* (8), *чунькыш'* (17), но *кык чун'* (7), *от'ик чун'* (8); *шогал'ис'* (71), но *шогал'ись* (71).

Как и в случае со знаками ударения (см. выше *сёркни*), в пределах одного слова могут встречаться два разных способа обозначения палатальности. Выбор возможен только из двух комбинаций – ['] и ['] или ['] и ь, в то время как употребления ['] и ь в пределах одного слова не отмечено: [ʹ] и ['] – *лыдд'от'ис'* (10), *с'ылис'өз* (11), *ужал'ис'* (14), *лыс'т'ис'* (68), *шогал'ис'* (71), *лос'от'ис'* (74), *владгыт'ис'* (74); ['] и ь – *красйт'ись* (10), *вурьин варт'ись* (10), *велот'ись* (11), *ыл'ись* (11), *мат'ись* (11), *мас'ись* (28), *тол'ись* (50), *тернит'ись* (65), *шогал'ись* (71), *вунот'ись* (72), *бурсет'ись* (73), *мортлюбит'ись* (74), *быдтөд'ись* (74), *дыртепит'ись* (75), *пет'ись* (75).

Беспрецедентен случай одновременной последовательной постановки ь и [']: *быдлаын-ол'ись'* (74).

Знак долготы поставлен в Учебнике только над четырьмя словами: *ём* (4) (но ср. далее *от'ик ём* (7)); *ылбстём* (72); *мйлбся* (73); *от'ик* (75) (но ср. еще четыре разных способа передачи пермяцкого 'один' – *от'ик* (53), *от'ик* (7), *от'ик* (7) и даже – согласно правилам старой русской орфогра-

фии – *õt'икъ* (7)). В слове *ьл̄б̄ст̄ом* (72) знак долготы также стоит фактически над *ö*, ср. нормированный коми-пермяцкий эквивалент в виде *ьл̄б̄ст̄т̄ом* (отриц. прич. от *ьл̄б̄ст̄ны*) (КПРС: 580). Таким образом, знак долготы в Учебнике появляется только над *ö*. Учитывая факты непоследовательной передачи *ö* в приведенных выше словах *öm* и *õt'ик*, а также то, что ни в Учебнике, ни в Букваре эксплицитно употребление графемы *ȫ* не объяснено, считаем появление в тексте Учебника *ȫ* не неизбежными оплошностями типографского набора начала XX в., а неумышленной передачей долгого *ö*.

На лексико-семантическом уровне Учебник представляет собой богатый источник пермяцких архаизмов и диалектизмов. Далее приведена лишь малая часть примеров:

йй ‘тело’ (3), так же в язвинском идиоме, ср. *йай* ‘тело человека’ (Лыткин 1961: 119). В совр. литер. *йй* прежде всего ‘мясо || мясной’, а уже вторым значением дано ‘тело; телосложение’ (КПРС: 592).

ль̄сом ‘туловище’ (3). В литер. ‘туловище’ скорее (ССПЯ: 228) выражается словами *тӯша* ‘туловище, стан; телосложение’, ‘рост’, ‘туша’ (КПРС: 592) или *вывт̄ыр* ‘тело’ (КПРС: 90). Известно также *ль̄син* ‘тело, телосложение’, ‘сила, силы’ (КПРС: 233), в котором и следует видеть нормированный вариант при архаичном или диалектном слове из Учебника. Любопытен современный диалектизм, присущий отдельным говорам северного наречия, но также формально отличающийся от *ль̄сом*: б.-коч., коч., хаз. *лыс'им*, дан., лев., пукс., чаз., юкс. *лыс'öm* ‘тело, телосложение’ (Федосеева 2015: 143). По форме с последней лексемой напрямую соотносится коми вв., вс., вым., иж., лл., нв., печ., скр., сс., уд. *лы-сьöm* ‘кости, скелет’ (КСК 1: 872). В связи этим может быть предложена конъектура **ль̄с'öm*.

мыш ‘спина’ (3). В литер. ‘спина’ – *мышк* (также в значениях ‘задняя часть (чего-л.)’, ‘зад, задняя сторона (чего-л.)’) (КПРС: 262). *Мыш* в качестве начальной формы сохранено в других пермских языках, ср. коми вв., вс., вым., иж., лл., нв., печ., скр., сс., уд. *мыш* (*мышк-*) ‘спина’ (КСК 1: 963) и удм. *мыш* (*мышк-*) ‘зад, обратная (тыльная) сторона; тыл; спина’ (УРС: 453).

пельбок ‘щека’ (4). В литер. для обозначения щеки есть слово *рожаб̄ан* ‘лицо’, ‘щека’ (КПРС: 407; ССПЯ: 253), а сочетание *пель бок* определено как ‘висок’ (КПРС: 329).

нырпыш ‘ноздри’ (4). В литер. ‘ноздря’ – *нырпыс* (КПРС: 280), а близкое к *нырпыш* Учебника совр. *ныр пытик* значит ‘носовая полость’ (КПРС: 279).

ныргöч ‘переносье’ (4). Очевидно, результат терминологической путаницы. Формально эквивалентом лексемы из Учебника можно считать ли-

тер. *ныр гӧч* с семантикой ‘носовой хрящ’ (КПРС: 279), тогда как ‘переносица’ обозначается в пермяцком словом *нырвуж* (ССПЯ: 162).

ӧмвѣлдӧр ‘нёбо’ (5). Архаизм. Понятие отсутствует в КПРС и ССПЯ. Для язьвинского идиома дано *ӱм нѣбо* ‘нёбо’ (РКЯС: 156). В коми диалектах см.: скр., сс. *вом ан*, нв., печ. *вом вылыс*, печ. *вом канан*, вым. *вом небе*, сс. *вом пӧтӧлӧк*, вв. *вом пӧтэлэк* ‘(анат.) нёбо’ (КСК 1: 240–242), вым. *небӧ* ‘(анат.) нёбо’ (КСК 1: 979). Пермяцкое слово *ӧмвѣлдӧр* ‘нёбо’ представляет собой композит, образованный исконными средствами на основе *ӧм* ‘рот || ротовой’, ‘пасть, зев (животного)’ (КПРС: 305) и *вевдӧр* ‘поверхность (чего-л.), верхняя наружная сторона’ (КПРС: 58) с поправкой последнего на *велдӧр* при учете «эловости» пермяцкого языка Учебника. Аналогично образовано коми нв., печ. *вом вылыс* (см. выше) при *вом* ‘рот; пасть, зев (у животных); клюв (у птиц)’ (КСК 1: 239) и *вылыс* ‘верх, верхняя часть, верхний слой, поверхность || верхний, находящийся вверху’ (КСК 1: 295).

Объем настоящего сообщения не позволил рассмотреть в полной мере все графические и лексико-семантические особенности. Более того за рамками исследования остались орфографические и морфологические особенности пермяцкого языка столетней давности. Рассматриваемый Учебник имеет большое значение для исторической пермистики и финно-угроведения в целом, так как является памятником, запечатлевшим в числе прочего фрагменты субстратных говоров северного наречия пермяцкого языка.

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Новосибирск: Наука, 2000. – 768 с.

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. – М.: Наука, 1975. – 252 с.

Букварь 1897 – Букварь для (северо-восточных, иньвенских) пермяков: (Опыт). – Казань: Типолитография Императорского университета, 1897. – 14 с.

Букварь 1899 – Букварь для пермяков Иньвенского края: (Опыт). – Казань: Типолитография Императорского университета, 1899 (обл. 1897). – 14 с.

Букварь 1900 – Букварь для (северо-восточных, иньвенских) пермяков. 2-е изд. – Казань: Типолитография Императорского университета, 1900. – 14 с.

Букварь 1908 – Мошегов К.М., Щапов П.В. Букварь для пермяцких детей (на чердынском наречии). – Казань: Центральная типография, 1908. – 40 с. (Издание Переводческой комиссии при Управлении Казанского учебного округа. № 24).

Галкина М.Е. Кондратий Михайлович Мошегов: лингвистический портрет // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции

(г. Глазов, 13 декабря 2012 г.): сб. статей / отв. ред. Л.Н. Бехтерева. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2013. – С. 125–126.

Журавский А.В. Гурия казанского святителя Братство // Православная энциклопедия / ред. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. – Т. 13. – С. 490-492.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривощёкова-Гантман. – М.: Русский язык, 1985. – 620 с.

КПЯ – Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология : учебник для высших учебных заведений / авт.: Р. М. Баталова, Е. В. Ботева, А.С. Гантман, Е.С. Гуляев, В.И. Лыткин, Г.А. Нечаев, Б.А. Серебренников; ред. В.И. Лыткин. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1962. – 340 с.

Кривощёкова А.Ф. Очерки истории коми-пермяцкой школы. – Молотов: Молотовское кн. изд-во, 1956. – 88 с.

КСК 1–2 – Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Коми сёрнисикас кывчукёр = Словарь диалектов коми языка / под ред. Л.М. Безносиковой. – Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2012, 2014. – Т. 1 : А–О; – 1096 с. – Т. 2 : Ö–Я. 888 с.

КСРНГ – Картотека Словаря русских народных говоров / Институт лингвистических исследований РАН.

Öньö Лав. Учебные пособия Ермолая Попова на пермяцком языке (опыт лингвистического анализа) // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : материалы XI Международного симпозиума (30–31 марта 2006 г., г. Пермь) / отв. ред. Л. Г. Пономарева. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2006. – С. 127–136.

Öньö Лав 2009 — Степанов В.А. (Öньö Лав). Опыт периодизации донациональной эпохи в истории коми-пермяцкого литературного языка // Вестник Чувашского университета. 2009. № 3 : Гуманитарные науки. С. 262–267.

Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 228 с.

Пономарева Л. Г. Речь северных коми-пермяков : монография. – М.: Языки народов мира, 2016. – 514 с.

Попов 1894 – Выддем пермяк понда / гижис ученьшик Е. Попов. – Пермь: Типография Н-ков П. Ф. Каменского, 1894. – 15 с.

Попов 1904 – Выддем коми отир челядь понда: Азбука и первая книга для чтения в пермяцких школах / составил учитель Е. Попов. – Рязань: Типолитография Императорского университета, 1904. – 158 с.

РКЯС – Лобанова А.С., Кичигина К.С. Русско-коми-язьвинский словарь. – Пермь: Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т, 2012. – 244 с.

Светлаков В. Коми-пермяцкӧй письменностьлӧн зоралӧм (II) // Иньва: литературно-художественной сборник. 1967. – Пермь: Коми-пермяцкое отделение Пермского кн. изд-ва, 1967. – С. 86-94.

ССПЯ – Сравнительный словарь пермских языков / сост. Р.Ш. Насибуллин, С.А.Максимов, Е.А. Игушев, О.П. Аксёнова. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2004. – 258 с.

УРС – Удмуртско-русский словарь = Удмурт-ӟуч кыллюкам / сост. Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин, Л.Л. Карпова, Л.Е. Кириллова, О.В. Титова, А.А. Шибанов; отв. ред. Л.Е. Кириллова. 2-е доп., перераб. изд. 1983 г. – Ижевск: Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН, 2008. – 922 с.

Учебник 1906 – Первоначальный учебник русского языка для чердынских пермяков. – Казань: Типолитография Императорского университета, 1906 (обл. 1907). – 77 с.

Федосеева Е.Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. – 196 с.

Щапов П. Вторая книга для чтения и практических упражнений на пермяцком языке / издана под редакцией К. М. Мошегова и Д. Ф. Богданова. – Казань: Центральная типография, 1909. – 78 с.

PWV – Rédei, K. Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der aufzeichnungen F.A. Wolegows. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968. – 139 s.